Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog
ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295

Проданик Н. В. Метафора «книга — жизнь» в средневековой словесности и русской литературе первой половины XIX века / Н. В. Проданик // Научный диалог. — 2021. — № 8. — С. 207—220. — DOI: 10.24224/2227-1295-2021-8-207-220.

Prodanik, N. V. (2021). "Book-Life" Metaphor in Medieval Literature and Russian Literature of First Half of 19th Century. *Nauchnyi dialog*, 8: 207-220. DOI: 10.24224/2227-1295-2021-8-207-220. (In Russ.).

Журнал включен в Перечень ВАК

DOI: 10.24224/2227-1295-2021-8-207-220

**Метафора «книга — жизнь»
в средневековой
словесности
и русской литературе
первой половины XIX века**

Проданик Надежда Владимировна
orcid.org/0000-0003-1871-328X
кандидат филологических наук,
доцент кафедры литературы
и культурологии
omsk.nadezhda@mail.ru

федеральное государственное
бюджетное образовательное
учреждение высшего образования
«Омский государственный
педагогический университет»
(Омск, Россия)

**“Book-Life” Metaphor
in Medieval Literature
and Russian Literature
of First Half of 19th Century**

Nadezhda V. Prodanik
orcid.org/0000-0003-1871-328X
PhD in Philology, Associate Professor,
Department of Literature
and Cultural Studies
omsk.nadezhda@mail.ru

Omsk State Pedagogical University
(Omsk, Russia)

© Проданик Н. В., 2021

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Рассматривается семантика метафоры «книга — жизнь». Вариации ее лексического состава, изменение смысла описываются на материале средневековой словесности и русской литературы первой половины XIX века: на примере творчества Н. М. Карамзина, Н. М. Языкова, П. А. Вяземского, А. С. Пушкина. Проведенный текстологический анализ позволяет сделать вывод, что наиболее значимыми витальными библиометафорами для двух культурных эпох стали «книга — сокровище вечной жизни», «книга — мир», «жизнь — назидательное Писание»; «расходная книжка бытия», «жизнь — сто раз читанная книга», «роман — жизнь». В них выражен круг оценочных суждений: в древнерусских текстах библиометафора выражает почтительное восхищение тайнами Божьего творения. Аксиологическая составляющая витальной метафоры XIX века более разнообразна: в ней заметны религиозное благоговение, негодование на скуку «книги жизни», понимание жизни как незавершенного романа. Новизна проведенного исследования заключается в том, что устанавливается спектр витальных библиометафор, нюансирующих смысл метафоры-инварианта («книга — жизнь»). Обращение к диахроническому аспекту позволяет отчетливее заметить смысловые сдвиги в метафорическом языке: в XIX веке: осознание судьбы как «чтения» общей для всех Священной книги дополняется метафорой личной «книги жизни».

Ключевые слова:

библиометафорика; метафора; книга; древнерусская литература; русская литература.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

The article deals with the semantics of the “book-life” metaphor. Variations in its lexical composition, changes in meaning are described using the material of medieval literature and Russian literature of the first half of the 19th century: on the example of N. M. Karamzin, N. M. Yazykov, P. A. Vyazemsky, A. S. Pushkin. The textual analysis carried out allows us to conclude that the most significant vital bibliometaphors for two cultural epochs were “the book-treasure of eternal life”, “book-world”, “life-edifying Scripture”; “Expense book of being”, “life is a book read a hundred times”, “novel is life”. They express a range of value judgments: in ancient Russian texts, the bibliometaphor expresses respectful admiration for the secrets of God’s creation. The axiological component of the vital metaphor of the 19th century is more varied: religious reverence is noticeable in it, indignation at the boredom of the “book of life,” an understanding of Life as an unfinished novel. The novelty of the conducted research lies in the fact that a spectrum of vital bibliometaphors, that nuances the meaning of the metaphor-invariant (“book-life”) is established. An appeal to the diachronic aspect makes it possible to more clearly notice the semantic shifts in the metaphorical language: in the 19th century the comprehension of fate as a “reading” of the Holy Book common to all is complemented by the metaphor of a personal “book of life”.

Key words:

ibliometaphorics; metaphor; book-life; ancient Russian literature; Russian literature.

Метафора «книга — жизнь» в средневековой словесности и русской литературе первой половины XIX века

© Проданик Н. В., 2021

1. Введение

В истории мировой культуры книга выполняла особую миссию, устремляя человека к смыслообретению: по словам Р. Барта, литература будила человеческое сознание, была «вопрошающим ответом и ответствующим вопросом» [Барт, 1989, с. 260]. Продолжая эти суждения Р. Барта, отметим, что когнитивными интенциями наделены не только содержание книги, ее идеи и образы, но и метафоры книги. В истории мировой культуры спектр библиометафор и осмысленных в них явлений достаточно широк: «книга — пища» свидетельствовала о необходимости духовной пищи для личности [Буланин, 1983, с. 7—13]; «книга — друг» рассказывала о сущности и ценности дружбы [Проданик, 2020, с. 59—66]; метафора «книга — непослушное дитя» определяла статус писателя-творца и созданного им текста [Проданик, 2012, с. 507—519].

Исследование, предпринятое нами в настоящий момент, посвящено концептуальной библиометафоре: «книга — жизнь». Для выявления нюансов смысла, аккумулированных в ней, мы сконцентрируем свое внимание на нескольких временных отрезках, они станут проявляющимися контекстами друг для друга.

2. Метафора «книга — жизнь» в средневековой культуре

Семантически близкие метафоры «книга — жизнь» и «книга — мир» относятся к числу немногих, чье время появления и генезис можно установить с высокой степенью точности: европейское Средневековье, следуя за эллинистическими Грецией и Римом, заявило о ведущей роли книги для культурной эпохи. Именно так писал в своем трактате Ричард де Бери, английский епископ и страстный читатель: «Как измерить могущество книг, в которых мы видим границы мира и границы времени, видим, как в некоем зеркале вечности, несуществующее как существующее ... благодаря книгам ... наш интеллект ... постигает духовным зрением общую первопричину и неподвижного движителя бесконечной благодати ... Сенека научил нас, что досуг без грамоты — это смерть <...> делая вывод от обратного, мы заключаем, что занятие грамотой и книгами — это сама *жизнь* человека...» (Р. де Бери. «Филобиблон, или о Книголюбии», 1345 год)

(здесь и далее курсив наш. — Н. П.) [Бери, 1985, с. 117—118]). Как очевидно из слов Р. Бери, в Средневековой европейской культуре книга оказалась проводником в миры дольний и горний, а чтение выступило синонимом жизни, квинтэссенцией витальности человека.

Своеобразным эхом отозвалась фраза Р. Бери в славянской литературе: здесь мир и жизнь тоже предстали книгой, раскрытой перед человеком. Эти смыслы были усвоены Русью от Византии: Иоанн Златоуст, константинопольский архиепископ, в сборнике проповедей «Маргарит» (IV—V веков) настаивал: «... Писания же всюду по вселенной ...» [цит. по: Калугин, 1991, с. 86]. В его понимании текст бытия представлен в виде вечно живого сада, дарующего человеку плоды знания и «духовное прохладение» [Там же].

В XII веке Кирилл Туровский, православный богослов, обращаясь к русской пастве, вторил словам Златоуста: «... постарайтесь прилежно читать святые книги, чтобы, Божиим насытись словом, вечной жизни несказанного блаженства достичь <...> Давайте не просто проговорим языком, написанное произнося, но, с рассуждением вчитавшись, постараемся делом исполнить это. Ибо сладко — медвяный сот, и хорошо — сахар, обоих же лучше *книжное знание*: потому что оно — *сокровище вечной жизни*...» [Слова и поучения ..., 1997]. Читая книгу, выстраивая свою судьбу в согласии с религиозным инвариантом, человек включался в общий поток вечной жизни и обретал полноту жизни духовной. Напротив, нечитающий человек имел душу безбуквенно-мертвенную: «... душа безбуквьна ... *мрътвѣя* является чловецех» (именно так сказано в «Прогласе», авторство которого приписывают святому Кириллу) [цит. по: Калугин, 1991, с. 86]. Как видим, в средневековой европейской и древнерусской культурах чтение и нечтение разведены по аксиологической шкале: «буквенный» полюс был приобщением к саду «вечной жизни», к «полноте благодати», а полюс «безбуквенный» сопоставлен с духовной «тьмой неведения» и «смертью» [Там же].

В древнерусской культуре значима была не только метафора «книга — жизнь», но и ее реверсный вариант — «жизнь — книга»; иначе говоря, к истинам бытия могло вести не чтение Библии, а «чтение» самой жизни. Так, в «Житии Марии Египетской» описана встреча монаха с бывшей блудницей (в момент встречи — отшельницей); ее речи свидетельствовали о глубоком знании Писания. На недоуменные вопросы старца о такой глубине книжного познания она ответила: «Грамоте же никогда я не училась ... Но слово *Божье живое* наставляет человека уму-разуму ...» [Житие ..., 1999]. Наставляющее живое Божье слово Мария обрела в пространстве «мира — школы». Семантика учения, по мысли С. Аверинцева, показывает, что для человека в эту эпоху мир «... поставлен под знак школы. Время,

и притом как историческое время, так и биографическое время отдельной человеческой жизни, имеет смысл постольку, поскольку это есть время педагогической переделки человека» [Аверинцев, 2004, с. 168]. Таким образом, в древнерусской культуре в единый семанτικο-метафорический узел связаны «книга — мир — жизнь», человек при этом становился учеником, а судьба предстала процессом постижения Библии.

3. Метафора «книга — жизнь» в русской литературе первой половины XIX века

В русской литературе XIX века метафора «книга — жизнь» оказалась востребована вновь; с одной стороны, ее семантика отсылала к наследию древнерусской культуры, с другой стороны, обновлялась. Приведем примеры наследования метафорической семантики, но прежде уточним: конечно, библиометафоры, в которых книга осмыслялась в религиозном ключе, гораздо чаще встречались в русской поэзии XVII—XVIII веков. Например, в духовном стихе С. Полоцкого «Книга» есть упоминание о «книге живота», которую создает сам Бог и которая остается тайной для людей: «Шестая книга — тайна, сам ту Бог читает, / церковь “книгу живота” ону нарицает ... / Пишут ... имена в ней Богом избранных ...» (С. Полоцкий. «Книга», 1678) [Полоцкий, 1990, с. 367]. В XIX веке сакральная библиометафора сохранила свою значимость. В творчестве П. А. Вяземского находим ученически смиренные строки: «... Мы в *книге Промысла* читаем по складам: / Нам темен смысл ея: за буквой букву ловим. / Начнем ли толковать, мы пуще пустословим. / Нам, детям, не вполне та грамота дана: / Про нас, но не при нас написана она ...» (П. А. Вяземский. «Лес горит», 1858) [Вяземский, 1862, с. 269]. Эта поэтическая фраза, как и скрытая метафора «жизнь — чтение книги Промысла», стала «эхом» религиозных суждений об ученичестве, непостижимости Книги бытия, о смиренной позиции читателя-«ребенка» перед замыслом Бога. Еще раз к сопоставлению «мир, жизнь — это Священная книга» Вяземский обратился, создавая стихотворение, посвященное художнику А. Иванову, автору знаменитого полотна «Явление Христа народу». Памятуя о библейских истоках его творчества, поэт утвердил: «*Священной книги чудеса* / Тебе явились без покрова ...» (П. А. Вяземский. «А. А. Иванову», 1858) [Вяземский, 1862, с. 258]. Здесь «Священная книга чудес» — указание на библейские сюжеты и религиозные тайны, открытые в бытии взору художника.

И все же, как и предполагал дух секуляризованной культуры XIX века, мир и жизнь перестали быть монотекстом: если для средневекового чтеца в иерархии книг неизменным лидером было Священное Писание, то для поэта и писателя конца XVIII — XIX веков спектр книжных жанров и оце-

ночных суждений расширился. Уже Г. Р. Державин в оде «Фелица», иронично признаваясь в своей греховности («Таков, Фелица, я развратен...») [Державин, 1947, с. 24], говорил о широком и, в первую очередь, светском круге чтения: «... в книгах рыться я люблю, / Мой ум и сердце просвещаю, / Полкана и Бову читаю; / За Библией, зевая, сплю ...» (Г. Р. Державин. «Фелица», 1783) [Там же].

Теперь автор, создававший витальную библиометафору, демонстрировал индивидуальное понимание судьбы и давал не всегда положительную оценку происходящему в ней. Например, лирический герой П. А. Вяземского в метафоре «расходная книжка бытия» отметил в «книге жизни» учетно-канцелярские черты: «...на ночлеге размышленья / С собой рассчитываюсь я: / В расходной книжке бытия / Я убыль с прибылью сличаю, / Итог со страхом поверяю / И контролирую себя ...» (П. А. Вяземский. «Коляска», 1826) [Вяземский, 1986, с. 197]. Фраза построена так, что духовная составляющая судьбы-путешествия (это все-таки «книжка бытия») дополняется материальной, экономической («расходная книжка»). «Расходная книжка бытия» стала карманной, личной (как и частная жизнь дворянина), теперь в ней ведется счет собственным впечатлениям от жизни-путешествия, обретениям и утратам на земном жизненном пути.

Вторил П. А. Вяземскому лирический герой Н. М. Языкова, он тоже десакарлизировал жизненный текст, разочарованно назвал свою жизнь «старым календарем», надоевшей, «сто раз читанной книгой»: «Уж я не то, что был я встарь: / Брожу по свету, как расстрига; / Мне жизнь, как *старый календарь*, / Как *сто раз читанная книга* ...» (Языков Н. М. «Уж я не то, что был», 1826) [Языков, 1858, с. 93]. Со «старого календаря»-судьбы совлечены и сакральная тайна Промысла, и романтическая тайна бытия. Жизнь поэта оказалась лишена духовного порыва, недаром стихотворение заканчивается ботаническими аллюзиями: «Я гибну жизни на заре, / Как на морозе в пустыре / Забытый огурец иль дыня...» [Там же, с. 94]. Не стоит думать, что такой взгляд лирического героя обусловлен естественно-научными интенциями, как поясняет поэт-студент, жизнь утратила романтические краски из-за несчастной любви — «Так мысли мне переменяла / Сердце пиявица — любовь...» [Там же].

Для приближающегося XIX века чрезвычайно важная библиометафора была употреблена Н. М. Карамзиным, поэт заметил в жизни романские черты: «Что *наша жизнь*? Роман. — Кто автор? Аноним. / Читаем по складам, смеемся, плачем... спим» (Н. М. Карамзин. «Два сравнения», 1797 год) [Карамзин, 1966, с. 236]. Любопытно, что авторство этого романа, в понимании Карамзина, неизвестно. Герой проживает предназначенную ему судьбу, сентиментально прочувствованную (регистры жизненных

переживаний — от смеха до плача), но при этом едва осмысленную из своего «детского» витального кругозора. В моделировании метафоры поэт словно делает шаг в сторону от религиозного мировоззрения, но полностью не отказывается от него: анонимность романного текста может быть понята и как Божественная (еще у Дионисия Ареопагита в трактате «О божественных именах» находим характеристику — «безымянность», «неназываемость» Бога) [Дионисий Ареопагит, 2002, с. 229], и как безрелигиозная — подчиненность человека метафизически абстрактной Судьбе или собирательному образу сильных мира сего.

Как известно, в истории отечественной литературы Н. М. Карамзин является одним из создателей русского романа — ведущего жанра XIX века. Жанрообразующие принципы русского романа были продекларированы им в тексте «Рыцаря нашего времени»: к примеру, роман оказался не завершен автором. О. Б. Лебедева, характеризуя в этой связи мировоззренческий базис карамзинского текста и поэтику его произведения, писала: «...Свободный, открытый финал романа-фрагмента уподоблял его жанровую форму свободе, *открытости и непредсказуемости самой жизни...*» [Лебедева, 2000]. Тем самым метафора «роман — жизнь» аккумулировала в себе не семантику инвариантности (как это было в древнерусской культуре, где идеалом для каждого выступала жертвенная судьба Христа), а семантику уникальности человеческой судьбы, недосказанности и потенциальности, предромантической стихийности жизни, в которую вовлечен «герой времени».

Спустя три десятилетия метафору Н. М. Карамзина «жизнь — роман» повторил А. С. Пушкин, включив ее в свой текст: «Блажен, кто праздник жизни рано / Оставил, не допив до дна / Бокала полного вина, / Кто не дочел ее романа / и вдруг умел расстаться с ним ...» (А. С. Пушкин. «Евгений Онегин», 1823—1830) [Пушкин, 1975, с. 162]. В комментариях к этой поэтической фразе Ю. М. Лотман подчеркнул, что в финале восьмой главы автор максимально сближает литературу и действительность [Лотман, 1983, с. 371]. В том числе литературу и действительность соединяла общая стихия «болтовни» — легкого разговорного тона автора, который вошел в роман — текст из текста жизненного. С. Бочаров, изучая «форму плана» «Евгения Онегина», тоже настаивал: «...мир, в котором пишут роман и читают его, смешался с «миром» романа; исчезла рама, граница миров, изображение жизни смешалось с жизнью» [Бочаров, 1967, с. 118]. В такой ситуации любой человек, будь то читатель «Евгения Онегина» или изображенный литературный персонаж, предстал в роли чтеца большого романа, автором которого выступала сама Жизнь. Важно и то, что в метафоре «недочитанный, вдруг оставленный роман-жизнь» сохранялась семантика потенциального

богатства бытия, витальной неисчерпанности и, вместе с тем, легкой смерти как беспечного, безболезненного прощания с земным бытием.

Известно, что и в собственной биографии близость Танатоса не обещивала для Пушкина жизни, в письме П. Плетневу от 22 июля 1831 года поэт советовал другу: «... Эй, смотри: хандра хуже холеры, одна убивает только тело, другая убивает душу. Дельвиг умер, Молчанов умер, погоди, умрет и Жуковский, умрем и мы. Но жизнь все еще богата; мы встретим еще новых знакомцев, новые созреют нам друзья ...» [Пушкин, 1978, с. 49]. Надежда на новые встречи, неожиданные перемены судьбы — все это открывало, в понимании Пушкина, перспективу бытия, придавало жизни романную интригу.

Еще в молодости, говоря о событиях южной ссылки и внезапных изменениях в своей судьбе, Пушкин в письме брату восклицал: «Мне хочется, душа моя, написать тебе целый *роман* — *три последние месяца моей жизни*. Вот в чем дело: здоровье мое давно требовало морских ванн, я насилу уломал Инзова, чтоб он отпустил меня в Одессу <...> Между тем приезжает Воронцов, принимает меня очень ласково, объявляют мне, что я перехожу под его начальство, что остаюсь в Одессе — кажется и хорошо — да новая печаль мне сжала грудь — мне стало жаль моих покинутых цепей. Приехал в Кишнев на несколько дней, провел их неизъяснимо элегически ...» [Пушкин, 1977, с. 67]. Написать «роман своей жизни», как это показывает письмо, означало и прожить события, удивившись их неожиданной смене, и литературно их осмыслить: например, отметить в переживаниях элегические нотки. Поэт становился героем и автором своего романа, находясь одновременно в двух «реальностях» — литературной и жизненной.

Как сказано выше, в метафорах «роман — жизнь» и ее реверсном варианте «жизнь — роман» выражен особый принцип отношения действительности и искусства. В. В. Виноградов говорит о том, что «мир в такой интеллектуальной культуре воспринимался через книгу, через стиль. Действительность была окутана миражами искусства ...» [Виноградов, 1991, с. 482], тем самым утверждался приоритет романного начала над витальным. Сказанное верно для романтической эпохи, в этот период личная судьба строилась по законам романа: требовала бурных страстей, ярких событий. К примеру, современники называли «романом» жизнь Софьи Пономаревой, известной владелицы петербургского литературного салона. В 1818 году Н. Греч, шутя, представлял ее так: «София Дмитриевна Пономарева, *комический*, но и *чувствительный роман* ...» [цит. по: Вацуро, 2004, с. 241].

Еще один тип сопоставления жизни и романа дан в творчестве малоизвестного поэта золотого века Виктора Теплякова в его библиометафоре «пошлый роман жизни»: «И, *жизни* листая *таинственный том*, / Весь по-

илый роман сей и в том, и в другом / довольно пустым находили; / Свергали земного мучительный груз / И в царстве ума, средь божественных муз, / Тень чистого счастья следили ...» (В. Тепляков. «Чудный дом», 1831) [Тепляков, 1972, с. 669]. В примечании к тексту автор пояснял, что пребывание героя в доме, выстроенном в готическом стиле, породило странную фантазмагорию. В балладном по духу произведении герой рассуждал о тайне любви, скрытой за наносной пошлостью повседневности; ему чудилась музыка и облик прекрасной девы, но все это оказалось лишь видением. Таким образом, в сознании лирического героя возникла романтическая оппозиция метафор: жизнь с ее готическим, чувственным, непознанным — это «таинственный том» бытия, но внутри этого тома могут оказаться страницы повседневной жизни, «пошлого романа». «Пошлый роман жизни» — метафора обывоченной действительности, в которой нет черт высокого искусства.

С утверждением реализма семантический спектр метафоры «роман — жизнь» расширился, одним из первых об этом пушкинском открытии сказал В. Г. Белинский: поэт «... понял, что время эпических поэм давным-давно прошло и что для изображения современного общества, в котором проза жизни так глубоко проникла самую поэзию жизни, нужен роман, а не эпическая поэма. Он взял эту жизнь, как она есть, не отвлекая от нее только одних поэтических ее мгновений; взял ее со всем холодом, со всею ее прозою и пошлостью ...» [Белинский, 1985, с. 362]. Как верно почувствовал критик, «роман — жизнь» для зрелого творчества Пушкина допускал как обращение к поэтическим сюжетам (любовно-романным, например), так и изображение земной, «прозаической» жизни в ее деталях и непоэтических проявлениях, то есть жизни «как она есть».

Этот аспект смысла — изображение в тексте неромантических ситуаций — выражен в сниженной пушкинской метафоре «домашняя жизнь — роман во вкусе Лафонтена»: «Гимена хлопоты, печали... / Ему не снились никогда. / Меж тем как мы, враги Гимена, / В домашней жизни зрим один / Ряд утомительных картин, / Роман во вкусе Лафонтена ...» [Пушкин, 1975, с. 84]. Однообразие семейного быта и его скука оказываются в метафоре сопоставлены с устаревшей формой поучительного романа Августа Лафонтена, жизнь-штамп метафорически соотнесена с романом-атавизмом. Впрочем, как показывает автор «Евгения Онегина», есть место в земном бытии и обольстительным литературным сюжетам: Татьяна «читает сладостный роман» своих чувств к Онегину: «Теперь с каким она вниманьем / Читает сладостный роман, / С каким живым очарованьем / Пьет обольстительный обман!...» [Пушкин, 1975, с. 50] Высокий роман первой любви создан по литературным образцам Руссо, Ричардсона, Гете, но то, что для Татьяны — «сладостный

роман жизни», для автора — «романный обман», то есть не жизнь, а только вымыслы, искусственность Искусства. Таким образом, «жизнь-роман» получает двойную, противоречивую оценку, которая дается в зависимости от «горизонта видения»: возраста и жизненного опыта человека.

Романтическая литература определяла импульсом жизнестроения искусство, но в завершении романтической эпохи первенство перешло к действительности: жизнь оказалась богата такими яркими сюжетами, которые и не снились книгам. Эти смысловые акценты читаются в метафоре П. А. Вяземского «жизнь — настоящий роман». Поэт утвердил, что любовные перипетии, разворачивающиеся в русской повседневности, «подогреваются» самоваром-«свидетелем». Пар самовара добавляет жара в чувства влюбленных и одновременно «остужает» их чрезмерную чувствительность, демонстрируя, как быстро чувства способны исчезать: «Как много тайных глав романов ежедневных, / *Животрепещущих романов*, задушевных, / *Которых в книгах нет* — как сладко ни пиши! ... / При пламени его украдкой зажглось / И с облаком паров незримо разнеслось!..» [Вяземский, 1986, с. 266—267].

Вяземский судит об отношениях жизни и искусства категорично (в жизни мы встречаем настоящие романы), у Пушкина же семантика метафор «жизнь — роман» и «роман — жизнь» наделена неоднозначными оценками: жизнь может быть и высока, мечтательна («сладостный роман любви»); утомительна и скучна («семейная жизнь — роман во «вкусе Лафонтена»), бытийно значительна и неисчерпаема (потому-то и нельзя «дочитать» «роман жизни»: этот роман продолжит разворачивать свой сюжет и после завершения многих частных судеб). Литература может диктовать жизни свои сюжеты, так произошло в истории любви Татьяны и Онегина; но жизнь может и сохранять свою автономность, развиваться по собственным законам (такова особенность большого романа Жизни, который вряд ли может быть дочитан и предсказан).

4. Заключение

Отметим в заключение, что библиометафора «книга — жизнь» была концептуальной для европейской средневековой и древнерусской культуры, не менее значима она оказалась для литературоцентричного XIX века. При сопоставлении метафор в эти культурные эпохи можно заметить семантические сдвиги: единственно возможный в древнерусской культуре регистр восхищения главным текстом культуры — Библией — сменился сложными и разнообразными аксиологическими суждениями в XIX веке: благоговением перед Священным текстом бытия, удивлением потенциальностью романа Жизни и негодованием на скуку личной судьбы — «сто раз читанной кни-

ги», «пошлого романа». Расширился в литературе XIX столетия и формат витального текста: теперь это и календарь, и расходная книга, и роман.

Продолжая антиномичный ряд семантических акцентов, отметим, что в религиозной культуре витальная библиометафора определяла общее бытие, а, указывая на Промысел Божий, она была тождественна метафорам «книга — мир» и «книга — сад». В лирике XIX века книга жизни стала частной, свидетельствовала о личной судьбе, представляя жизнь как земное путешествие. В древнерусской культуре тайны Священной книги были известны только Богу. В культуре же XIX века автором и читателем витального романа мог выступать сам человек, за ним признавалось «авторство» собственной жизни [Алтухова, 2018, с. 169]. Семантика таинственности («жизни таинственный том» — так скажет В. Тепляков) осталась известна и веку XIX, но теперь она была преимущественно готического, художественного, а не религиозного свойства.

Одной из важных библиометафор XIX века стала «роман — жизнь», ее встретим в творчестве Н. М. Карамзина, П. А. Вяземского. Своеобразной «энциклопедией» этой витальной метафоры предстал «Евгений Онегин», здесь оценочный спектр интересующей нас метафорики очень широк: от «утомительного романа семейной жизни» до «любовного романа» Татьяны и глобального «романа Жизни». Тем самым Пушкин продемонстрировал в библиометафоре емкое, стереометрическое видение жизни, открытой в перспективу земного бытия и тесно связанной с бытием литературным.

Источники

1. *Вяземский П. А.* В дороге и дома : Собрание стихотворений князя П. А. Вяземского / П. А. Вяземский. — Москва : Типография Бахметева, 1862. — 420 с.
2. *Вяземский П. А.* Стихотворения / П. А. Вяземский. — Ленинград : Советский писатель, 1986. — 544 с.
3. *Державин Г. Р.* Стихотворения / Г. Р. Державин. — Ленинград : Советский писатель, 1947. — 306 с.
4. *Дионисий Ареопагит.* Сочинения. Толкования Максима Исповедника. — Санкт-Петербург : Алетейя ; Издательство Олега Абышко, 2002. — 854 с. — ISBN 5-89329-522-6.
5. *Житие* Марии Египетской [Электронный ресурс] // Библиотека литературы Древней Руси. — Санкт-Петербург : Наука, 1999. — Т. 2 : XI—XII века. — Режим доступа : <http://lib.pushkinskijdom.ru/Default.aspx?tabid=2170> (дата обращения 20.02.2021).
6. *Карамзин Н. М.* Полное собрание стихотворений / Н. М. Карамзин. — Москва-Ленинград : Советский писатель, 1966. — 424 с.
7. *Полоцкий С.* Вирши / С. Полоцкий. — Минск : Мастацкая літаратура, 1990. — 447 с. — ISBN 5-340-00115-6.
8. *Пушкин А. С.* Евгений Онегин / А. С. Пушкин // Пушкин А. С. Собрание сочинений : В 10 т. — Москва : Художественная литература, 1975. — Т. 4. — С. 5—180.
9. *Пушкин А. С.* Собрание сочинений : В 10 т. / А. С. Пушкин. — Москва : Художественная литература, 1977. — Т. 9. — 462 с.

10. Пушкин А. С. Собрание сочинений : В 10 т. / А. С. Пушкин. — Москва : Художественная литература, 1978. — Т. 10. — 471 с.
11. Слова и поучения Кирилла Туровского / Кирилл Туровский [Электронный ресурс] // Библиотека литературы Древней Руси. — Санкт-Петербург : Наука, 1997. — Т. 4 : XII век. — 687 с. — Режим доступа : <http://lib.pushkinskijdom.ru/Default.aspx?tabid=4877> (дата обращения 13.04.2021).
12. Тепляков В. Чудный дом / В. Тепляков // Поэты 1820—1830-х годов : В 2 т. — Ленинград : Советский писатель, 1972. — Т. 1. — С. 668—674.
13. Языков Н. М. Стихотворения. 1822—1830 : В 2 ч. / Н. М. Языков. — Санкт-Петербург : Типография Императорской Академии наук, 1858. — Ч. 1. — 153 с.

ЛИТЕРАТУРА

1. Аверинцев С. С. Мир как школа / С. С. Аверинцев // Аверинцев С. С. Поэтика ранневизантийской литературы. — Санкт-Петербург : Азбука-Классика, 2004. — С. 155—188. — ISBN 5-352-00743-X.
2. Алтухова О. И. Концептуальная метафора «жизнь человека-текст» в английской и русской поэтической традиции / О. И. Алтухова // Вестник ВГУ. Серия : Лингвистика и межкультурная коммуникация. — 2018. — № 2. — С. 167—170.
3. Барт Р. Структурализм как деятельность / Р. Барт // Барт Р. Избранные работы. Семиотика. Поэтика. — Москва : Прогресс, 1989. — С. 253—262.
4. Белинский В. Г. Сочинения Александра Пушкина / В. Г. Белинский. — Москва : Художественная литература, 1985. — 560 с.
5. Бери Р. Филобиблон, или о Книголюбии / Р. де Бери // Библиотека в саду : Писатели античности, средневековья и Возрождения о книге, чтении, библиофильстве. — Москва : Книга, 1985. — С. 109—118.
6. Бочаров С. Форма плана / С. Бочаров // Вопросы литературы. — 1967. — № 12. — С. 115—136.
7. Буланин Д. М. О некоторых принципах работы древнерусских писателей / Д. М. Буланин // Труды Отдела древнерусской литературы. — Ленинград : Наука, Ленинградское отделение, 1983. — Т. 37. — С. 3—14.
8. Вацуро В. Э. Избранные труды / В. Э. Вацуро. — Москва : Языки славянской культуры, 2004. — 847 с. — ISBN 5-94457-179-9.
9. Виноградов В. В. Стиль Пушкина / В. В. Виноградов. — Москва : Художественная литература, 1991. — 620 с.
10. Калугин В. В. «Кънигы» : отношение древнерусских писателей к книге / В. В. Калугин // Древнерусская литература : Изображение общества. — Москва : Наука, 1991. — С. 85—117.
11. Лебедева О. Б. История русской литературы XVIII века : Учебник / О. Б. Лебедева. — Москва : Высшая школа : Издательский центр «Академия», 2000. — 415 с. — ISBN 5-06-003703-7.
12. Лотман Ю. М. Роман А. С. Пушкина «Евгений Онегин». Комментарий : Пособие для учителя / Ю. М. Лотман. — Ленинград : Просвещение, 1983. — 416 с.
13. Проданик Н. В. Этапы «взросления» книги в русской литературе XVIII—начала XIX вв. / Н. В. Проданик // «Точка, распространяющаяся на все...» : К 90-летию профессора Ю. Н. Чумакова : сборник научных трудов. — Новосибирск : Издательство НГПУ, 2012. — С. 507—521. — ISBN 978-5-85921-830-1.

14. Проданик Н. В. Метафора «книга-друг» в русской литературе Золотого века / Н. В. Проданик // Филологический вестник. — 2020. — № 4. — С. 59—66.

MATERIAL RESOURCES

- Derzhavin, G. R. (1947). *Poems*. Leningrad: Soviet writer. 306 p. (In Russ).
- Dionysius the Areopagite. *Essays. Interpretations of Maxim the Confessor*. (2002). St. Petersburg: Aleteya; Oleg Abyshko Publishing House. 854 p. ISBN 5-89329-522-6. (In Russ).
- Karamzin, N. M. (1966). *The complete collection of poems*. Moscow-Leningrad: Soviet writer. 424 p. (In Russ).
- Polotsky, S. (1990). *Verses*. Minsk: Mastatskaya literature. 447 p. ISBN 5-340-00115-6. (In Russ).
- Pushkin, A. S. (1975). Eugene Onegin. In: *Collected works: in 10 volum, 4*. Moscow: Fiction. 5—180. (In Russ).
- Pushkin, A. S. (1977). *Collected works: in 10 volum, 9*. Moscow: Fiction. 462 p. (In Russ).
- Pushkin, A. S. (1978). *Collected works: in 10 volum, 10*. Moscow: Fiction. 471 p. (In Russ).
- Teplyakov, V. (1972). Wonderful house. *Poets of the 1820—1830s: in 2 volum, 1*. Leningrad: Soviet writer. 668—674. (In Russ).
- The Life of Mary of Egypt. (1999). *Library of Literature of Ancient Russia, 2: XI—XII centuries*. St. Petersburg: Nauka. Available at: <http://lib.pushkinskijdom.ru/Default.aspx?tabid=2170> (accessed 20.02.2021). (In Russ).
- Vyazemsky, P. A. (1862). *On the road and at home: A collection of poems by Prince P. A. Vyazemsky*. Moscow: Bakhmetev Printing House. 420 p. (In Russ).
- Vyazemsky, P. A. (1986). *Poems*. Leningrad: Soviet writer. 544 p. (In Russ).
- Yazykov, N. M. (1858). *Poems. 1822—1830: At 2 o'clock, 1*. St. Petersburg: Printing House of the Imperial Academy of Sciences. 153 p. (In Russ).
- Words and teachings of Kirill Turovsky / Kirill Turovsky. (1997). *Library of Literature of Ancient Russia, 4: XII century*. St. Petersburg: The science. 687 p. Available at: <http://lib.pushkinskijdom.ru/Default.aspx?tabid=4877> (accessed 13.04.2021). (In Russ).

REFERENCES

- Altukhova, O. I. (2018). Conceptual metaphor “human life-text” in the English and Russian poetic tradition. *Bulletin of the VSU. Series: Linguistics and intercultural communication, 2*: 167—170. (In Russ).
- Averintsev, S. S. (2004). Mir as a school. *Poetics of early Byzantine literature*. St. Petersburg: ABC-Classics. 155—188. ISBN 5-352-00743-X. (In Russ).
- Bart, R. (1989). Structuralism as an activity. *Selected works. Semiotics. Poetics*. Moscow: Progress. 253—262. (In Russ).
- Belinsky, V. G. (1985). *The Works of Alexander Pushkin*. Moscow: Fiction. 560 p. (In Russ).
- Beri, R. (1985). Philobiblon, or about Book-loving. *Library in the garden: Writers of antiquity, the Middle Ages and the Renaissance about the book, reading, bibliophilism*. Moscow: Book. 109—118. (In Russ).
- Bocharov, S. (1967). The form of the plan. *Questions of literature, 12*: 115—136. (In Russ).

- Bulanin, D. M. (1983). On some principles of the work of Old Russian writers. *Proceedings of the Department of Old Russian Literature*, 37. Leningrad: Nauka, Leningrad Branch. 3—14. (In Russ).
- Kalugin, V. V. (1991). “Kinigy”: the attitude of ancient Russian writers to the book. *Old Russian literature: The image of society*. Moscow: Nauka. 85—117. (In Russ).
- Lebedeva, O. B. (2000). *History of Russian literature of the XVIII century: Textbook*. Moscow: Higher School: Publishing center “Academy”. 415 p. ISBN 5-06-003703-7. (In Russ).
- Lotman, Yu. M. (1983). *Pushkin’s novel “Eugene Onegin”. Comment: A manual for a teacher*. Leningrad: Prosveshcheniye. 416 p. (In Russ).
- Prodanik, N. V. (2012). Stages of “growing up” of a book in Russian literature of the XVIII — early XIX centuries. “*A point that extends to everything...*”: *To the 90th anniversary of Professor Yu. N. Chumakov: a collection of scientific works*. Novosibirsk: Publishing House of the National Pedagogical University. 507—521. ISBN 978-5-85921-830-1. (In Russ).
- Prodanik, N. V. (2020). Metaphor “book-friend” in Russian literature of the Golden Age. *Philological Bulletin*, 4: 59—66. (In Russ).
- Vatsuro, V. E. (2004). *Selected works*. Moscow: Languages of Slavic culture. 847 p. ISBN 5-94457-179-9. (In Russ).
- Vinogradov, V. V. (1991). *Pushkin’s style*. Moscow: Fiction. 620 p. (In Russ).